

УДК 81'1:811.161.2'271:61

**РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ «ПАСПОРТА РЕЧЕВОГО ЖАНРА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ)**

Пономаренко Е. А.

*Крымский государственный медицинский университет
имени С. И. Георгиевского, г. Симферополь*

В статье рассматривается религиозно-мифологический аспект паспорта речевого жанра с учетом сведений о культурных и ментальных процессах русской этноязыковой общности.

Ключевые слова: речевой жанр, паспорт жанра, образ врача.

Постановка проблемы. В языкознании к описанию и разграничению речевых жанров подходят с позиции «модели речевого жанра», предложенной Т. В. Шмелевой. Исследователь полагает, что в речевом сознании говорящего существует «типовой проект», канон, схема РЖ, для характеристики которого важны семь «конститутивных признаков». Главным жанрообразующим признаком является *коммуникативная цель*, которая дает основания для различения классов речевых жанров. Внутри каждого класса жанры различаются по пяти содержательным и одному формальному параметрам: *концепция (или «образ») автора* – та «информация о нем как об участнике общения, которая “заложена” в типовой проект речевого жанра, обеспечивая ему успешное осуществление» [7, с. 93]; *концепция (или «образ») адресата*, который присутствует в каждом высказывании данного жанра (то есть «предполагаемый адресат» по М. М. Бахтину); *событийное содержание* – (актанты, их отношения, временная перспектива и оценка); *фактор (или «образ») коммуникативного прошлого* – отношение высказывания данного жанра к уже сказанному в цепи речевого общения; *фактор (или «образ») коммуникативного будущего* – отношение высказывания данного жанра к тому, что должно быть сказано в дальнейшем; 7) *языковое воплощение* – формальное выражение высказывания данного жанра с помощью языковых средств.

Анализ исследованного материала свидетельствует о том, что «паспорт жанра» может быть дополнен и расширен. Мы дифференцируем конституирующие признаки на *константные* и *факультативные*. *Константные* признаки – это постоянные признаки, включённые в матрицу «паспорта жанра», а также формирующие структуру каждого из представленных в данном исследовании речевых жанров. *Факультативные* признаки – меняющиеся, необязательные, зависящие от особенностей анализируемого материала (в данной работе – от культурно-исторических реалий). К *константным* признакам относим коммуникативную ситуацию; концепцию адресанта; концепцию адресата; фактор коммуникативного прошлого; стратегии и тактики речевого общения; фактор коммуникативного будущего, а также формально-

языковую организацию. *Факультативным* конституирующим признаком считаем невербальные средства общения. Особую важность представляют религиозно-мифологический и психоэмоциональный аспекты, поскольку «коммуникация, которую структурируют жанры, есть важнейшая часть культуры, и жанры – ее формы – также обусловлены субъективным, культурно-опосредованным ценностным взглядом на мир, как и культура в целом» [1, с. 12].

Цель работы – охарактеризовать религиозно-мифологический аспект с учетом сведений о культурных и ментальных процессах русской этноязыковой общности.

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений писателей-врачей конца XIX – первой четверти XX века А. П. Чехова, В. В. Вересаева и М. А. Булгакова.

Как известно, мировидение любой этноязыковой общности основано на формирующейся в процессе ее развития определенной модели мира. Модель мира дохристианского (языческого) общества была основана на тесной связи человека с природой. Язычник воспринимал мир как живое существо, такое же, как и он сам. Следствием этого было одушевление природы, олицетворение вещей и явлений, перенос на природные объекты человеческих или животных свойств. При помощи такого одушевления окружающей действительности люди пытались объяснить, почему происходят те или иные природные явления.

На ранних этапах рабовладельческого строя *врачебное дело* уже выделилось в качестве самостоятельной профессии, о чем свидетельствуют дошедшие до нашего времени заговоры, обращенные к языческим божествам, способным преодолеть болезнь. Жрецы, ведуны, кудесники, волхвы, знахари считались в народе посредниками между человеком и таинственными силами природы. Способность особым образом взаимодействовать с окружающей средой воспринималась как некий тайный божественный дар, а носитель такого знания выступал в качестве «модифицированного жреца, которому дано было право обращаться к небесным силам для исцеления больных» [2, с. 239]. Так, достигшая высокого расцвета медицина Древней Греции нашла отражение в культах обожествленного врача Асклепия, который представлялся как Спаситель – **Σωτήρ** (Soter – в античной традиции эпитет богов-избавителей) от телесных недугов, прежде всего, исцеляющий хромых и слепых прикосновением своей руки, и его дочерей: Гигиен – охранительницы здоровья (отсюда гигиена) и Панакеи – покровительницы лечебного дела (отсюда панацея).

В эпоху распространения христианства значительное влияние на восприятие врачебного искусства оказало то, что Лука, один из четырех евангелистов, был врачом. Около семидесяти врачей были канонизированы церковью. В их числе святой великомученик Пантелеймон, братья-близнецы Косьма и Дамиан, святой Антоний.

На Руси первые письменные упоминания о врачевании встречаются в «Русской Правде» – древнейшем своде русских законов, составленном при Ярославе Мудром в первой четверти XI века. В это же время начала развиваться монастырская медицина, появились первые монастырские больницы, сведения о которых зафиксированы в монастырских хрониках – «Киево-Печерском патерике». Этот документ содержит упоминания о монахах-лечцах: святом Антонии и его ученике преподобном Агапите, исцелившем внука Ярослава Мудрого, будущего киевского князя Влади-

мира Мономаха. Кроме того, «Киево-Печерский патерик» дает перечень требований, предъявляемых к монахам-лечцам, которые, ухаживая за больными, должны были быть терпимыми в обращении с ними; выполнять самую чёрную работу; не заботиться о личном обогащении.

Процесс сакрализации *образа врача* со времен античности и до начала XX века сопровождался использованием по отношению к врачу различным языковым средствам (эпитетов, разного рода обращений, особых лексико-грамматических форм), а также невербальных компонентов. Указывая на очевидную зависимость религии от языка, Макс Мюллер отмечал, что «в названиях, в эпитетах, относящихся к богам, открыт некоторый незначительный запас слов, которые первоначально были взяты из мира чувственного, материального и возвышены впоследствии до более достойного нравственного значения» [4, с. 66].

В исследуемых текстах художественной литературы конца XIX – первой четверти XX, а именно в извлечённых из них речевых жанрах *мольбы* присутствуют факты обожевления врача посредством употребления императива в форме единственного числа в сопровождении паралингвистических средств (жеста коленопреклонения). Например: *Мать же крикнула мне нехорошим голосом: – Дай ей, помоги! Капель дай!* (Булгаков, Стальное горло); *Мать вдруг автоматическим движением передала девочку бабке и стала передо мною на колени. – Дай ей каплю, сказала она и стукнулась лбом в пол, – удавлюсь я, если она помрет* (Булгаков, Стальное горло); *Он перекрестился, и повалился на колени, и бухнул лбом в пол.* (Булгаков, Полотенце с петухом); *Осмотрев больного, я сказал матери, что навряд ли и он выживет. Прачка упала передо мною на колени. – Батюшка, спасите его!.. Последний он у меня остался! Растила его, кормилица, на старость... Сколько могу, заплачу вам, век на вас даром стирать буду!* (Вересаев, Записки врача). Использование подобной лексико-грамматической формы в сочетании с характерным жестом объясняется древней православной традицией, в соответствии с которой во время молитвы верующий, обращаясь к Спасителю, осеняет себя крестным знаменем и совершает поклоны, иногда становясь на колени и касаясь головой пола. По мнению Б. А. Успенского, обращаясь к Богу на *ты*, «мы можем не ожидать ответа, но при этом имеет место презумпция, что в случае ответа <...> последний может быть выражен в первом лице (с использованием местоимения *я*). Предполагается, что в этом случае мы оказываемся с говорящим в одном ситуационном пространстве» [6, с. 33].

Картина освоенного мира в представлении наивного сознания тесно связывалась с процессом *именования*, которое складывалось из познания, оценки и осмысления, вписывания осваиваемого предмета или явления в структуру ранее освоенного мира. По логике мифологического сознания, в имени была возможна символизация всего освоенного мира или его значимой части. Узнать имя означало получить власть над его обладателем. Поэтому имена предметов, вещей, окружающих человека часто не назывались, а для их именовании использовались своего рода эвфемизмы.

Употребление табуированных слов и выражений вызвано отношением к слову как к магической силе. Н. Б. Мечковская считает, что «источником табу могла быть неконвенциональная (безусловная) трактовка знака: древний человек относился к слову не как к условной, внешней метке предмета, а как к его неотъемлемой части.

Чтобы не разгневать «хозяина тайги», избежать болезни или другой беды, не потревожить души умершего, запрещалось произносить «их» имена. Истоки неконвенционального восприятия знака лежат не в изначальном фидеизме сознания, но в первичном синкретизме отражения мира в человеческой психике – это одна из фундаментальных особенностей дологического мышления» [3, с. 42, 63]. Табуированные слова заменялись эвфемизмами, что приводило к обновлению и расширению словаря. Таким образом, очевидно, появились односоставные безличные предложения, характеризующие физическое и психологическое состояние человека.

Выбранные из художественных произведений писателей-врачей конца фрагменты институциональных дискурсов содержат речевые жанры (РЖ *жалобы*, РЖ *мольбы*), включающие в свой состав названные синтаксические конструкции. Использование в речи таких конструкций вызывает в сознании языковой личности непроизвольно всплывающие ассоциации. За каждой языковой единицей закреплено не только определённое значение, но и многомерная система связей (звуковые, ситуационные, понятийные и т. д.). Сложность восприятия подобных безличных конструкций обусловлена как особенностью синтаксической структуры, так и лексическим значением предиката, который содержит дополнительные смысловые оттенки, являющиеся результатом национального видения мира. Например: *А во рту у меня горело и пахло керосином, в желудке резало...* (Чехов, Неосторожность); *Даже в пот ударило* (Чехов, Неосторожность); *В животе у него перекачивало, под сердцем веяло холодом* (Чехов, У постели больного). – *Давно его схватило?* – *спросил я молодую женщину. – После обеда сегодня, – ответила она, не глядя на меня. – Пришел с работы, пообедал, через час и схватило* (Вересаев, Без дороги). *Лицо его перекосило, и он, захлебываясь, стал бормотать в ответ прыгающие слова* (Булгаков, Полотенце с петухом). *У меня в груди теснит... жмет... душит* (Чехов, У постели больного); – *Дайте мне походить!* – *слабым голосом сказал больной. – Сводит ноги, мочи нет* (Вересаев, Без дороги); – *Дайте помочи!.. Печет под сердцем...* – *пробормотал он в промежутке между вздохами, вдруг задрожал, стиснув зубы, и стал подтягивать сводимые судорогами ноги* (Вересаев, Записки врача).

Об умалчивании имени тотема, а также о недостаточной осведомлённости в законах природы рассуждал А. А. Потебня. Ученый пытался объяснить происхождение отдельных видов безличных предложений. В своих теоретических изысканиях исследователь проследил особенности образования категории безличности, классифицировал безличные предложения, указал, какими грамматическими формами выражена безличность не только в русском языке, но и в других славянских, а также западных и классических языках. В работе «Из записок по русской грамматике» он сделал вывод о том, что в русском языке все время продолжается активный процесс, следствием которого является потеря субстанциональности и усиление глагольности. Бессубъектные предложения и есть конечный результат происходящего процесса. Первичная стадия языка субъектна. В дальнейшем в силу тех или иных причин субъект бледнел в сознании человека, затем исчезал или устранялся. Причиной исчезновения субъекта в языке служило: 1) тотемистическое представление, т. е. умалчивание имени тотема; 2) неизвестность действующей причины из-за недостаточной осведомленности в законах природы. Ученый отмечал, что предложения,

которые выражают ощущения, восприятия, различные внутренние и внешние явления возникли в силу мифологического мышления: «за исходную точку при объяснении бессубъектных выражений личных состояний и явлений внешней природы следует принять то воззрение, по которому в каждом существе и в каждом обособляемом явлении заключена двойственность и множественность субстанций, действиями коих объясняются явления. Таким образом, прихотливость больного с этой точки зрения есть не один из признаков болезненного состояния (ибо понятия о болезни, как состояния ещё нет), а воля болезни, как особого существа, находящегося в больном» [5, с. 319]. Участвуя в формировании взгляда на окружающий мир, безличные конструкции встраиваются в грамматическую систему языка и отражают особенности русского национального сознания.

Выводы. Таким образом, религиозно-мифологический аспект, встраиваясь в структуру «паспорта речевого жанра», представляет *речевой жанр* как сущность, позволяющую анализировать процессы, релевантные для языка, коммуникации и культуры.

Список литературы

1. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»? / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Вып. 6 : Жанр и язык. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. – С. 5–22.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : [монография] / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Мечковская Н. Б. Язык и религия : [пособие для студентов гуманитарных вузов] / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
4. Мюллер Макс. От слова к вере: религия как предмет сравнительного изучения / Макс Мюллер // Языки как образ мира. – М. : ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 9–126.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – С. 317–380.
6. Успенский Б. А. Ego Loquens: язык и коммуникативное пространство : [монография] / Борис Андреевич Успенский. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
7. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов : Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–99.

Пономаренко О. А. Релігійно-міфологічний аспект як складова «паспорту мовленнєвого жанру» (на матеріалі творів письменників-лікарів) / О. А. Пономаренко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 563–567.

В статті розглядається релігійно-міфологічний аспект паспорту мовленнєвого жанру із врахуванням відомостей про культурні й ментальні процеси російської етномовної групи.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, паспорт жанру, образ лікаря.

Ponomarenko E. A. Religious and mythological aspect as a constituent of speech genre passport (on the based of works by writers – doctors) / E. A. Ponomarenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 563–567.

The article considers religious and mythological aspect as a constituent of speech genre passport.

Key words: the genre, genre passport, speech communication, author's form.

Поступила в редакцію 11.10.2012 г.